

ПАТРИОТИЗМ ВЕЛИКОДУШИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ¹

Педагогика сегодня озабочена собственной технологичностью, и потому её больше волнует форма, нежели содержание. Но если форма – это то, что

со-держит, то вне рефлексии содержания поиск эффективных форм воспитания оказывается бессмысленным по сути и беспощадным по своим последствиям.

Особенно хорошо это заметно на примере патриотического воспитания, где отсутствие внятного ответа на вопрос, о чем мы говорим и что делаем, когда объявляем, что воспитываем у наших детей любовь к Родине, приводит:

- во-первых, к вытеснению иных смыслов патриотизма кроме военного;
- во-вторых, к формированию у школьников на фоне десятилетиями неизменных «торжественных заседаний», «шестивий», «праздничных концертов», «вахт» либо парадно-показного, либо равнодушно-циничного, но в любом случае далекого от осмысленности и гражданственности отношения к собственной стране.

Одна из немногих современных попыток определения содержания патриотического воспитания принадлежит профессору С.Д. Полякову и описана в его книге «Реалистическое воспитание». Для дальнейшего анализа считаю важным изложить точку зрения автора близко к тексту².

По мнению С.Д. Полякова, определить содержание патриотического воспитания невозможно вне выявления его реальной, диагностируемой цели. Поскольку привычное «формировать любовь к Родине» признать таковым сложно, он предлагает рассматривать в качестве цели формирование патриотического сознания.

В психологии принято выделять в сознании три компонента: знаниевый, отношенческий и деятельный. С этой точки зрения патриотическое сознание включает в себя:

- знание человеком фактов культуры, истории, которые он воспринимает как факты, события нашей, своей истории, культуры (на языке «внутреннего голоса» это звучит как фраза: «Я знаю, что это наше, мое!»);
- положительное отношение к определённым, «нашим», фактам истории и культуры («Я горжусь, одобряю такие-то события, факты нашей культуры, истории»);
- готовность, настрой человека участвовать в деятельности по развитию культуры, жизни в нашей стране (позиция – «Я готов, настроен действовать на благо своей страны»).

Второй компонент, по мнению С.Д. Полякова, главный, системообразующий; это и есть то, что принято называть чувством патриотизма. Из чего состоит это чувство? Автор указывает такие составляющие: глубинное чувство принятия страны, чувство своей принадлежности, причастности к позитивному в стране (причастности своими делами, историей своих близких, школы).

Но что считать достижением, свершением? Что считать позитивным?

На первый взгляд, отмечает исследователь, всё просто: позитивное в истории, в стране – то, что развивает культуру, цивилизацию. И список соответствующих сфер богат и разнообразен: философия и религия, наука и искусство, техника и производство, социальная организация и образование, спорт и военное дело.

¹ Опубликовано в журнале «Народное образование», 2005, №4, с. 75–80.

² См.: Поляков С.Д. Реалистическое воспитание. – М.: Центр «Педагогический поиск», 2004. – 176 с. – С. 101–107.

Однако простота здесь кажущаяся. Стоит ли гордиться изобретением танков, уютных плоскогорья Афганистана? Или построением дороги Якутск – Магадан ценой жизни тысяч и тысяч заключённых? Формула «развитие культуры и цивилизации», оказывается, может привести к монстру античеловеческого патриотизма.

Более того, подчёркивает С.Д. Поляков, различить, где в культуре свет, а где тьма, порой весьма не просто. Гордиться ли деятельностью С.П. Королева – ведь он создатель не только ракеты Гагарина, но и военных ракет, которые могли уничтожить целую страну? Гордиться ли А.Д. Сахаровым – ведь это не только нравственный образец, но и разработчик термоядерных сверхбомб, взрывы которых могли уничтожить не только конкретную страну, но и земную цивилизацию? Что наша армия несла в 1945 году в Европу? Освобождение от фашизма? Да. Но и насаждение своего, не нужного этим странам политического режима...

Что же представляет собой общее мерило, общий критерий позитивного в истории и культуре страны? Автор вводит следующий «императив позитивности»: чувство патриотизма – это чувство причастности к тому в культуре и цивилизации своей страны, гордость за то, что несёт возможность жить и развиваться любому человеку своей страны и не мешающее жить людям иных стран. Достижения, убивающие, деструктурирующие, разрушающие физически, психически «своего» и «чужого», – не предмет патриотизма.

Предложенную максимум С.Д. Поляков подкрепляет примерами.

К непатриотичному слою исторических событий и явлений он относит Октябрьскую революцию, баллистические ракеты Королева, флот Петра I, песню «Интернационал».

Несомненно патриотичными, по его мнению, являются феномены А.С. Пушкина, Д.Д. Шостаковича, М.В. Ломоносова, Ю.А. Гагарина.

Двойственными, противоречивыми в смысле патриотизма оказываются А.Д. Сахаров, С.П. Королев, 1945 год.

Соответственно в педагогической деятельности по развитию патриотизма автор выделяет два уровня: работу с несомненными культурными ценностями и специальную работу с двойственными культурными феноменами. И та, и другая должны строиться как проблемные, требующие от школьников анализа сложных явлений, определения, защиты своих позиций и умения конструктивно взаимодействовать с иными позициями.

Подчеркивается, что в отношении двойственных феноменов воспитателю следует открывать ребятам и вместе с ними анализировать их неоднозначность, показывать, при каких условиях те или иные достижения вписываются в развитие культуры, а когда они оказываются противокультурными.

Пожалуй, остановлю на этом изложение взглядов С.Д. Полякова. Остановлю, потому что время и место вступить в диалог.

Патриотизм как *гордость за позитивное*, на первый взгляд, выглядит вполне приемлемо. Но только на первый взгляд.

Есть в исторической науке довольно аргументированная точка зрения, что понятие патриота, патриотизма возникло в среде метэков – переселенцев из других греческих полисов в Афины. Им, чужакам, и их детям предстояло жить на новом месте, и они хотели, стремились стать его частью, быть нужным ему, любить его. Решая эту задачу, они и осмыслили свои переживания в понятии патриота.

Это событие, даже если оно не исторический факт, а только событие мысли, имеет последствия. Во-первых, становится понятным исток того, почему общество особенно взволновано патриотизмом в те периоды, когда чувствует своё отчуждение, разрыв с культурой и историей страны (другими словами, чувствует себя метэками) и хочет этот разрыв преодолеть. Во-вторых, метэки, чтобы сродниться с Афинами, *занимались собой, брали на себя ответственность патриотов*, а не выясняли отношения с афинянами, не выставляли своих счетов городу, который, кстати, несмотря на все заслуги метэков, так и не признал их полноправность. А при удобном случае не

забывал напомнить инородцам-патриотам, что они «чужие среди своих». (Детям великого Перикла, урождённого афинянина, и красавицы Аспазии, милетянки по происхождению, было отказано в гражданстве и присвоен статус метэков. Периклу пришлось слёзно упрашивать народное собрание сделать для них исключение. Не трудно представить, с каким самовлюбленным высокомерием смотрели афиняне на искреннее страдание человека, которому были столь многим обязаны.)

Гораздо позже, в начале XX века, ситуацию метэков воспроизвел английский писатель и католический мыслитель Г.К. Честертон. Он написал о патриотизме: «Это одно из самых благородных чувств, когда патриот говорит: “Достоин ли я Англии?” Но стоит ему высокомерно сказать: “Я – англичанин!”, и патриотизм обратится в гнуснейшее фарисейство»³. Обратите внимание: «я» патриота стоит не под восклицанием, а под вопросом, это «я» усомневает само себя, чтобы обрести право и возможность соизмерять себя с целым. У С.Д. Полякова же именно «я» решает, что несомненно, а что двойственно в истории и культуре страны.

Мне кажется, нет, я уверен, что в патриотизме дело не в гордости, а в ином, гораздо более редком сегодня проявлении человеческого духа – **великодушии**. Великодушие в том смысле, в котором М.К. Мамардашвили говорил о Декарте: «...великодушие Декарта – это способность *великой души вместить весь мир, как он есть* (курсив мой. – Д.Г.), и быть недовольным в этом мире только самим собой. ...И более того, великодушие предполагает, что мир таков, что в любой данный момент в нём может что-то случиться только с моим участием»⁴. И ещё: «Великодушие – это свобода и власть распоряжаться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит»⁵. В великодушии нет бесси-

лия, это сила участвующего принятия мира во всей его полноте.

Что меняется в патриотическом сознании человека в зависимости от того, основано оно на гордости или великодушии? Многое. Во-первых, происходит смещение акцента: гордость – могу ли я **любить** свою страну, сознавая моменты её величия и ничтожества?; великодушие – могу ли я любить свою страну не только в моменты её взлетов, но и падений? Во-вторых, патриотизм гордости избирателен, он делит историю и культуру страны на достойное и недостойное его. Патриотизм великодушия ничего не делит, он *всепричастен*, радуется, гордится светлым и страдает, мучается тёмным.

Это А.С. Пушкин в письме к П.Я. Чаадаеву: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Это А.С. Хомяков в стихотворении 1844 года:

*Не говорите: «То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! Этот грех – он вечно с нами,
Он в вас, он в жилах и крови.
Он сросся с нашими сердцами –
Сердцами, мёртвыми к любви.*

Это наш современник, литовский поэт Томас Венцлова в своем знаменитом эссе «Евреи и литовцы»: «Если считать народ огромной личностью – а непосредственное ощущение говорит, что эта персоналистская точка зрения единственно ценна и справедлива в мире моральном, – то к этой личности причастны все в народе – и праведники, и преступники. Каждый со-

³ См.: Честертон Г.К. Вечный Человек: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 544 с. – С. 485.

⁴ Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. – 352 с. – С. 16.

⁵ Там же, с. 15.

вершённый грех отягчает совесть всего народа и совесть каждого в нем. Сваливать вину на другие народы нельзя. В своем они разберутся сами. В нашем разбираться и раскаиваться нам. Это, собственно, и есть смысл причастности к той или иной нации»⁶.

Выше было приведено определение патриотического чувства, данное С.Д. Поляковым. Я позволю себе его переформулировать: чувство патриотизма – это чувство причастности ко *всему* в культуре и цивилизации своей страны, радость за то, что несёт возможность жить и развиваться любому человеку своей страны и не мешает жить людям иных стран, и сожаление, боль, стремление преодолеть то, что, так или иначе, мешало и мешает своим и чужим. Формирование именно такого, основанного на великодушии, чувства любви к Родине – вот, на мой взгляд, главная задача патриотического воспитания сегодня.

Не могу согласиться с постановкой С.Д. Поляковым вопроса о непатриотичном, двойственном и несомненно патриотичном в нашей истории и культуре.

На мой взгляд, двойственность – это не о А.Д. Сахарове и С.П. Королеве. О них – трагедия целостности. Именно эта трагедия всегда, начиная с античности, была сущностью героя. Ахиллес знал, что ему суждено погибнуть, но не строил вокруг этого никакого выбора, не пытался ни избежать смерти, ни предотвратить её, ни договориться с богами и троянцами, продолжал выполнять свой долг воина. Только в наше время появился иной смысл героизма, когда, по словам М.К. Мамардашвили, «мы требуем от других совершения того, на что сами, как правило, не способны. Уже сам факт подобного требования невеликодушен, а героем может быть только великодушный».

Говоря о двойственности А.Д. Сахарова или С.П. Королева, мы невеликодушно, задним числом требуем от них не участвовать во зле. Но ведь проблема состоит не в том, чтобы избегать зла (избегающий зла ух-

дит с поля его битвы с добром и, в конце концов, «тонет в фарисействе»), а в том, чтобы его *преодолевать*. И нашим героям это удалось, потому-то мы по ним и сверяемся. Их жизнь свидетельствует, что целостность обретается не ценой выбора (и, значит, снятия) одной из сторон, а мукой удержания их вместе. Вот это хорошо бы понять и почувствовать нашим воспитанникам. А, делая акцент на двойственности, мы порождаем в сознании ребят миф, что можно всегда выбирать что-то одно (например, избегать зла) и обретёшь целостность. Нет.

Несколько раз С.Д. Поляков повторяет вопрос: гордиться ли чем-то, зная, что оно двойственное? Предполагается, что этот выбор ставит перед школьниками и педагогом. Но действительно ли ребята знают, что выбирают, осознают ли они достаточно полно, что стоит за каждой стороной двойственности? Чувствуют ли они тот надрыв, который сопровождает не умозрительные, а жизненные альтернативы? Как правило, нет. Но чтобы выбирать по-настоящему, а не с решительностью варвара, пробрасываясь альтернативами, надо сострадать, сопереживать, мучиться выбором. Учитель, идя на дискуссию, должен об этом много думать, должен сосредотачиваться на информатизации и проблематизации выбора школьников.

Есть самоопределение как определение себя, границ своего Я по отношению к тому целому, частью которого ты являешься. И есть самоопределение как замыкание в себе и на себя, как отказ от своей частности по отношению к целому и утверждение своей единственности. Педагог, строящий диалог вокруг двойственности, а не в контексте трагизма целостности, рискует утвердить своих подопечных в мысли, что каждый из них в отдельности и есть мера всех вещей. Но для современного, постхристианского человека, имеющего ценности вместо святынь, оценивающего, а не чтящего, этот путь может стать путём от гордости к гордыне. Именно об этом предупреждал уже цитировавшийся мною Г.К. Честертон:

⁶ Цит. по: Ямбург Е.А. Школа на пути к свободе: Культурно-историческая педагогика. – М.: «ПЕР СЭ», 2000. – С. 183.

«Гордый примеряет всё на свете к себе, а не к истине. Вы не горды, если вы хотите что-то хорошо сделать или даже хорошо выглядеть с общепринятой точки зрения. Гордый считает плохим все, что ему не по вкусу. В наше время развелось немало и конкретных, и абстрактных мерок; но молодые люди (и даже молодые женщины) всё чаще и чаще считают меркой себя, просто потому что не нашлось мало-мальски достойного веры эталона. Однако «я сам» – очень мелкая мера и в высшей степени случайная. Так возникает типичная для нашего времени мелочность, особенно свойственная тем, кто кичится широтой взглядов»⁷.

Не завидую решимости С.Д. Полякова считать «вычеркнутыми, непатриотичными... целые пласты истории, техники, производства и героических деяний (Октябрьская революция, баллистические ракеты Королева, флот Петра I, песня «Интернационал»)». Решимость отрицания, свойственная патриотизму гордости, всё-таки заметно слабее решимости стояния перед лицом мира, присущей патриотизму великодушия. А какое в примерах, приведённых автором «Реалистического воспитания», поле для диалога и самоопределения! Для меня в Октябрьской революции есть не только русский бунт, заклеянный Пушкиным, но и сознательный порыв тысяч светлых людей к более справедливому и свободному обществу. Среди лиц крестьян – строителей российского флота я нахожу лица не только несчастных жертв, но и мучеников за священное дело обороны родной земли, подвижников государственного строительства. А за «Интернационалом» вижу не одни лишь безликие массы сталинских партийных съездов, но и деда, которого живым не знал, но который вступил в коммунистическую партию в окопах Сталинграда, и, возможно, певшего эту песню в самые суровые часы своей жизни. И как человек, и как учитель буду снова и снова возвращаться к этому...

Если патриотизм ни от чего в истории и культуре своей страны не отстраняется и не

видит двойственности там, где трагедия целостности, то разговор о «несомненно патриотичном» оказывается излишне претенциозным. Когда вместе стоят А.С. Пушкин и А.Д. Сахаров, Д.Д. Шостакович и С.П. Королев, то решать, кто в каком ряду, занятие неблагоприятное и ненужное.

Впрочем, если кто-то без несомненного обойтись не может, пусть выделяет, главное – не делать несомненное недоступным, неприкасаемым. В год празднования 200-летнего юбилея нашего национального гения один из старшеклассников, раздосадованный, очевидно, официозом, пропагандистскими штампами и учительским морализаторством вокруг этого события, с вызовом спросил меня: «Вы, правда, считаете, что Пушкин – наше всё?!» Подумав, я ответил, что действительно так считаю, потому что принадлежат эти слова моему великому однофамильцу поэту Аполлону Григорьеву (тут юноша улыбнулся), и потому что для меня, как и для многих других, Пушкин – больше чем великий поэт, он – вечный повод самоопределения русского человека, русского интеллигента. Сколько из него не пытались сделать революционера, демократа, либерала или, напротив, охранителя, государственника, почвенника, феномен Пушкина всякий раз оказывался и вне какой-либо однозначности, и вне двойственности. Пушкиноведа Л.М. Аринштейн, В.С. Непомнящий, И.Ю. Юрьева отмечают удивительную способность поэта удерживать вместе вещи, на первый взгляд, трудно совместимые – свободу и империю, государственную целесообразность и общественный интерес, серьёзность мысли и лёгкость слова. Пушкин явился, может быть, первым и последним русским «свободным консерватором» (П.А. Вяземский), который счастливо объединял в себе Сциллу и Харибду нашей истории. А после него не смогли, после него попали в плен свободы выбора. После него более упражнялись в разъятии, чем в объединении. И сегодня эта задача – соединить свободу и порядок, развить гражданское общество, не осла-

⁷ Честертон Г.К., указ. соч., с. 485.

бля государства и не ломая национальные традиции, – остаётся нерешённой, и сегодня Пушкин – и пример, и укор.

В заключение хочу отметить, что полностью согласен с С.Д. Поляковым в том, что в патриотическом воспитании должно быть больше обсуждений, споров, диспутов, дискуссий. Все предшествовавшие рассуждения имели целью показать, что диалоговые формы по-настоящему действенны тогда, когда содержательно ориентированы не на воспитание гордости за позитивное, а на воспитание великодушия ко всему, что составляет время нашей истории и пространство культуры.

Это особенно важно в преддверии юбилея Победы. Чтобы, организовав дискуссию «Цена и уроки Великой Победы», не превратить её в подобие бухгалтерского семинара с выявлением и обличением виновных в наших огромных потерях, того же Г.К. Жукова, жертвовавшего батальонами во имя

спасения дивизий. Чтобы в обсуждении многосерийного фильма «Штрафбат», честно затрагивающего многие сложные темы Великой Отечественной войны, не сформировать у школьников представления, что воевали на фронте только обречённые на смерть штрафники, подгоняемые заградительными отрядами. Ребята должны знать, что сотрудники НКВД не только были членами этих отрядов, но и организовывали партизанское сопротивление, выявляли немецких шпионов и диверсантов в армейских тылах. Чтобы, наконец, дать молодым людям почувствовать подлинный вкус Победы – «радость со слезами на глазах».

Допускаю, что после прочтения этого текста, кто-то из читателей придёт к выводу, что между моей позицией и позицией С.Д. Полякова нет существенной разницы, не совпадают только оттенки. Что ж, возможно. Правда, бывает, что оттенки всего важнее.